

ей. И она дѣйствительно осердилась на васъ до бѣшенства, но *Ревизоръ* и *Мертвыя Души* отъ того не пали. тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловерной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя и въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутія, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадайтесь вмѣстѣ со мною, порадайтесь паденію вашей книги.

„Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хотѣло отпечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ, мои друзья приуныли, но я тогда же сказалъ имъ, что, несмотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятна теперь всѣмъ статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубоко, хотя и не развиты еще, инстинкты истины. Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики была самая печальная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно, и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди или никогда не носившіе его въ груди, или потерявшіе его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжело зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей, тотъ носить Христа въ груди своей, и тому не зачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смирненіе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не любовь; а во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, странною гордостью, а съ другой, самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть, плодомъ или гордости, или слабоумія, и въ обоихъ случаяхъ ведетъ къ лицемерію, ханжеству, китаизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически грязно выражаться не только о другихъ (что было бы только невѣжество), но о самомъ себѣ. Это уже гадко, потому что человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени: не истинной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнью смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги! И что за языкъ, что за фразы! Дрянь и тряпка стали теперь *всякъ* человѣкъ! Неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *каждый* значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляютъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, и будь изъ нея выключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о себѣ, какъ писателѣ, кто бы подумалъ, что эта неопрятная и надутая шумиха словъ и фразъ—произведеніе пера автора *Ревизора* и *Мертвыхъ Душ*..

„Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отзывался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ нехорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то по-человѣчески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей если и не съ отличнымъ умомъ, то все же и не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали объ нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ; да еще вдобавокъ обвинять ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главной мыслью вашей книги и по неосмотрительности; а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развивъ вашу мысль, напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть—на меня всѣхъ болѣе) чистый доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого рѣмошлета, произвели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню, за его вялый, влачащійся по землѣ стихъ. Все это нехорошо! А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ, не могъ, да, признаться, и не захотѣлъ бы знать. Преду мною была ваша книга, а не ваши намѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу.

„Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо мое скоро превратилось бы въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя въ всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе Шпекины распечатываютъ чужія письма, не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Но нынѣшнее лѣто начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбургъ, откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить вполнину, не умѣю хитрить,—это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само- время докажете мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадоюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ